

АНДРЕЙ ЗВЯГИНЦЕВ:

Мы сыграли в полнометражный фильм

В конкурсной программе юбилейного Венецианского кинофестиваля приятным сюрпризом стала картина "Возвращение" российского режиссера-дебютанта Андрея ЗВЯГИНЦЕВА. 39-летнему актеру, родившемуся в Новосибирске, где он и окончил театральное училище, а потом уже ГИТИС, явно улыбнулась фортуна. Для нашего кинообщества он пока — фигура неизвестная.

— Уже сам факт того, что российский фильм взяли в конкурс в Венецию, — сенсация. Но то, что его поставил режиссер-дебютант, — сенсация вдвойне. Сами-то вы переварили эту новость?

— Перевариваю... Трудно переварить такую новость. Впрочем, в конце июля практически одновременно пришли приглашения на фестивали в Локарно и Монреаль, а затем и в Венецию.

— Это было для вас неожиданностью? Режиссеры почти всегда считают, что сделали гениальное кино. А кто-то, наоборот, комплексует, вечно сомневается: ах, надо было не так снимать, да и вообще, за свое ли дело я взялся?

— И у меня были сомнения. Вернее, странное сочетание сомнений, касающихся исключительно формы, деталей. Все ли так сложилось, как хотелось? Не было ли здесь ошибки? А нужен ли этот эпизод? Сомнения соседствовали с какой-то скрытой, тайной надеждой — не уверенностью, конечно, — надеждой, что все получится, что это как-то прозвучит, будет замечено. Замысел был замечательный, сценарий — супер, нашли отличную натуру, команда подобралась прекрасная, и актеры работали блестяще. С таким раскладом на руках нельзя проиграть партию. Ну никак нельзя!

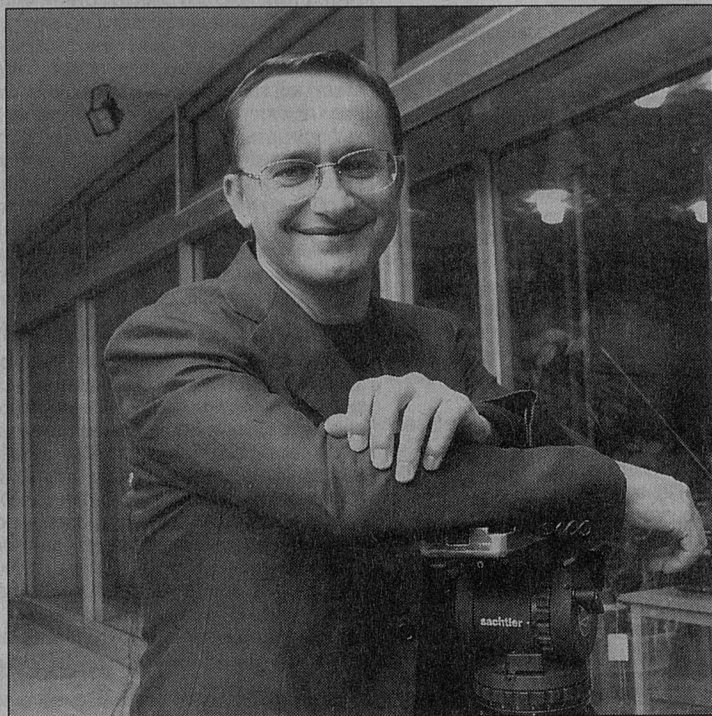
Два года назад, когда мы запускались с продюсером Дмитрием Лесневским, я ему сказал, что если не найдем двух мальчиков — гениальных актеров, бессмысленно снимать этот фильм. К счастью, такие мальчики нашлись.

— И как же они нашлись?

— У меня было два ассистента по актерам — в Питере и в Москве. Курсируя между двумя городами — неделю там, неделю здесь, я отсматривал кандидатов. Всего более 600 человек.

— Когда вы впервые увидели будущих исполнителей главных ролей, у вас не возникло ощущение: вот они?

— Возникало. Старшего мальчика, Володю Гарина, я увидел в первый же день, когда приехал в Питер. Он зани-

А. Звягинцев

мался в музыкальной театральной студии "Зазеркалье", его готовили к карьере оперного певца. Тогда ему было 14 — всего 14, но я сразу почувствовал, что передо мной глубокая личность, самодостаточный человек. Спокойный... Ну совсем не такой, как все дети, — не по возрасту взрослый... А второй мальчик, Ваня Добронравов, — москвич. Он пришел где-то на второй-третьей неделе кастинга и также обратил на себя внимание незаурядностью.

— Отца ребят также долго искали?

— Мне не хотелось, чтобы в фильме снимались известные актеры. Когда мы смотрим кино со звездой, мы смотрим на звезду. И либо ждем от нее открытий, либо, что чаще бывает, ничего уже не ждем. Когда смотрим фильм с неизвестными людьми, нам важна история и то, что скрыто за ней.

— Можно привести немало примеров, когда именно актеры вытягивают картину — своим обаянием, мастерством, масштабом личности...

— Если ты как режиссер сомневаешься в том, что твоя картина сама "тянет", тебе надо брать актера, который ее спасет.

Константина Лавроненко, который сыграл отца, я впервые увидел году в 95-м в спектакле Клима по гоголевскому "Ревизору". Это было некое андеграундное образование, не знаю, существует ли этот театр сейчас. Несколько актеров, знавших весь текст пьесы с ремарками, импровизировали: выйдя на сцену, произносили реп-

лики из любой сцены, за любого персонажа и в любом порядке. Константин Лавроненко мне запомнился тем, что в отличие от других не норовил удивить зрителя, был самодостаточен. И вот когда у нас шел кастинг, я вспомнил о нем и решил его разыскать. Внешне он сильно изменился, и в лучшую сторону — для этой роли. Когда-то он был юношей, с "хвостом" длинных волос, а теперь я увидел взрослого мужчину, коротко подстриженного, поседевшего — ну вылитый "отец". Конечно, я пробоval и других актеров, но никто лучше него не подходил.

— Вы окончили актерский факультет ГИТИСа в 1990 году. Что вас заставило сменить профессию?

— Любовь к кино...

Довольно долго, лет пять, я работал по специальности: играл в двух антрепризных спектаклях, которые поставил Владимир Агеев, — "Игра в классики" по роману Кортасара и тургеневский "Месяц в деревне". Играл редко, 1 — 2 спектакля в месяц. На эти деньги жить невозможно — приходилось подрабатывать. В рекламе снимался, в кино — в микроскопических эпизодах. И сам снимал рекламу. Крайне редко, поскольку ни в каком рекламном агентстве не состоял. Но это к кинорежиссуре не имело никакого отношения. Все определила встреча с Лесневским.

— Реклама помогла?

— Да. Каким-то образом я подражался сделать несколько роликов для REN TV. Это был 97-й или 98-й год. Прошло два года, и вдруг мне по-

звонили от Лесневского и пригласили на встречу. И Дима предложил снять несколько серий "Черной комнаты".

— С чего бы? Это же очень ответственно. "Черная комната" — не совсем сериал, это почти что кино...

— Дмитрий Лесневский — как мне кажется, продюсер по призванию. В тех двухлетней давности роликах, которые ему почему-то запомнились, он увидел кинорежиссера. Дмитрий Лесневский — смелый человек, рискованный, решил и здесь рискнуть. А перед этим спросил: хочу ли я снимать кино? Очень хочу, ответил я, и более того, нынешним летом буду снимать. Сказал я это без всяких реальных оснований. Почему-то внутренне я был абсолютно уверен, что летом 2000 года стану снимать. Может быть, потому, что очень сильно хотел этого.

Лесневский мне рассказал о пяти сериалах, которые были запущены. Меня заинтересовал только замысел "Черной комнаты". Из десяти предложенных мне на выбор сценариев я взял три. Решил начать с "Бусидо" — он мне показался наиболее интересным. Дима, можно сказать, дал мне карт-бланш. Он абсолютно не вмешивался в работу, мало того — предоставил возможность делать со сценарием все, что посчитаю необходимым. Диме эта новелла понравилась, и он дал добро на остальные фильмы. Но если "Бусидо" в принципе не требовал доводки, то сценарии "Obscure" и "Выбор" пришлось переписать полностью. От первоисточника в результате не осталось ни единого слова. И когда была закончена третья новелла, Дима сказал: пора сыграть в полнометражное кино. Это, кстати, был и его дебют как продюсера. Мы заключили контракт и стали искать подходящий сценарий.

— Это было...

— ...В ноябре 2000 года. Поиски длились несколько месяцев, и вот Дима предложил мне сценарий Владимира Моисеенко и Александра Новотоцкого. Люди они уже довольно опытные — много писали для телевидения, сотрудничали с Эльдаром Рязановым. Сейчас, кстати, Артем Михалков снимает фильм по их сценарию "Эльдорадо", который победил на конкурсе сценариев. Они очень профессиональные люди, очень! Мне понравилось с ними работать: они с легкостью шли на контакт по части каких-то изменений, переписывания отдельных сцен. Они не относились к сценарию как к чему-то неприкасаемому, хотя видели в нем своего ребенка, причем очень любимого. Однажды кто-то из них так и сказал: "Это наш самый любимый ребенок. Мы писали "в стол" и даже не рассчитывали, что на него найдется продюсер, — ведь сценарий изначально, по замыслу, совсем не коммерческий".

— И чем же он вас тронул?

— Я увидел в нем громадный внутренний потенциал — не саму историю, а тот глубинный пласт, который скрывался за сюжетной интригой. Это очень тонко выписанная история взаимоотношений отца и двух подростков — сыновей. В сценарии детально и убедительно прописана психологическая нюансировка характеров всех троих главных героев. Диалоги, как мне кажется, — ну просто блестящие, очень точные, выверенные и на бытовом уровне, и на содержательном. Когда я читал сценарий, у меня было ощущение живой, пульсирующей жизни. Но больше всего привлекло то, что можно уйти от истории какого-то отца и каких-то двух мальчиков и прийти к истории Отца и его Сыновей.

— Лесневский и здесь дал вам карт-бланш?

— Да, в наших взаимоотношениях практически ничего не изменилось. Это продюсер, который, имея свое мнение, свои вкусовые предпочтения, находит в себе силы оставлять все это при себе и не влезать в творческую лабораторию режиссера. Я ни разу не услышал от него категоричного мнения: вот это надо убрать, это переделать. У него очень доверительное отношение к творческому началу режиссера. И речь не обо мне, — так же он относится и к другим режиссерам. Лишь один раз он позволил себе высказаться несколько более категорично, чем обычно. В финале фильма звучит песня, и он сказал, что эта песня, на его взгляд, здесь неуместна. Но при этом добавил, что решать мне. И это сказал продюсер, который имеет право приказывать, имеет власть, но этой властью принципиально не пользуется. Я не мог отказаться от своего замысла, я знал, что это важно для фильма, и все-таки оставил песню. И вот когда фильм уже был полностью готов, Лесневский изменил свою точку зрения. Дело в том, что в первой версии, черновой, все было несколько грубо сделано. А в окончательной появились важные нюансы — шум дождя, в частности, на фоне дождя с раскатами грома звучит аутентичная русская песня, спетая старым казаком-старовером с Кубани. Этот финал с дождем, с песней, всегда звучал в моей голове, но технически реализовать свой замысел мне не сразу удалось, а когда удалось — все стало на свое место. И Дима тогда сказал: "Да, да, конечно, это очень здорово".

— Еще не приехав в Венецию, вы, можно сказать, стали звездой, от вас ждут "нетленку". Так что же дальше?

— Дима сказал: ищи сценарий.

Беседу вел
Геннадий БЕЛОСТОЦКИЙ
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ